

Вячеслав Марченков

Интихаса

История о любви и
верности

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вячеслав Марченко

Интихаса

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Марченков В. В.

Интихаса / В. В. Марченков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-2681-7

Интихаса - это история о любви и верности! Со всеми перипетиями судьбы, опасными и в то же время нелепыми и смешными. Она рассказывает о молодых людях конца шестидесятых двадцатого столетия. О тех, кто не испытал на себе лишения войны, но кому тяжёлым наследием досталось это прошлое. О тех, кто с молоком матери впитал чувство ответственности не только за себя, но и за других. О тех, кто умеет любить искренне и преданно! Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2681-7

© Марченков В. В., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Интихаса	5
Маша	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Интихаса

Предисловие

Многие твердят, что связь поколений кроется в продолжении деяний начатых предками, в общих с ними взглядах на жизнь и её моральных аспектах. Но мне кажутся эти высказывания не совсем верными. Потому как, время от времени, всё, что построили наши родители, деды и прадеды; дворцы и памятники, заводы и фабрики, города и деревни, разрушаются не только войнами, но и нашими собственными руками. Взгляды на жизнь меняются вместе с нашими вождями. А с моральной точки зрения, мы всё больше отдаляемся друг от друга пропастью невежества, жадности и распутства.. Однако связь между нами по-прежнему не потеряна. И только потому, что в нас живёт душа! Чистая, не запачканная идеалами навязанных нам сверху идей и дарованных иудами благ. Именно поэтому в нас остались и вера, и надежда, и любовь. Именно она та соломинка, что спасала нас всегда в бескрайнем море лжи, жестокости и безрассудной похоти. Именно она и есть, то непорочное связующее звено всех поколений моей Родины!

Первая часть

Маша

Первая глава

Вечер

Перед тем, как скрыться за горизонтом, солнце, красным, огненным шаром в нерешительности повисло над лесом, напоследок осматривая свои владения. Воздух наполнился нежным ароматом из цветов и трав, а на землю, играя с закатом, легла роса. Там, где у кромки леса несёт свои воды маленькая речушка, усевшись на пригорок, нашли себе место молодые люди. Стесняясь посмотреть друг другу в глаза, изредка нарушая тишину разговором, они наслаждались летним вечером. Русого парня, с ямочкой на подбородке и ясными голубыми глазами, девушка называла Иваном. А он, юную блондинку с курносом носом, косой и пухленькими, розовыми как у младенца губами, в ответ звал Машей.

—

Посмотри, как красиво! Жаль, что я не художник. Обязательно нарисовал бы этот закат. Как называется это направление у них?

Глядя вдаль, поинтересовался Иван.

— Живопись! А ещё отличником был.

Ответила девушка. Но парень явно не хотел отступать, сделав глупое выражение лица и спросив снова:

— А что такое, тогда, натюрморт?

— Это, Ванечка, когда в тарелочке лежат яблоки или груши!

— А если сливы?

— Какая разница, любые фрукты.

Повышая голос, объясняла Маша.

— А овощи?

Не унимался Иван. И девушка, уже, готова была вспылить, уязвлённая непониманием парня, но посмотрев ему в лицо, увидела лукавые улыбающиеся глаза:

— Ах, ты негодник! Так ты издеваешься надо мной?

Меня гнев на милость, проговорила она. А Иван, хитро улыбаясь, вымолвил;

— Ни грамма! Просто я не много пришиблен, по жизни! И до меня плохо доходят всякие мудрёные термины. Особенно в области культуры и искусства. Одним словом, я полный профан, или бездарь, как любил говорить Василь Васильевич. Помнишь, учитель такой был в начальных классах? Вёл пение и рисование. Никогда не забуду, как на урок рисования принёс он яблоко, положил на стол и говорит нам:» Дети! Рисовать будете с трёх сторон.» А у самого, бутылка из кармана торчит. Пока мы рисуем, он нагнётся под стол, выпьет там, вылезет и закусывает яблоком этим. В конце урока потребовал сдать рисунки. Все, в классе, нарисовали целое яблоко, а я огрызок. Он меня и спрашивает; что это ты изобразил? А я ему отвечаю; Извините, Василь Васильевич, у меня фантазия работает плохо, поэтому рисую только с натуры. Вот и нарисовал то, что лежит у вас на столе. Он глянул, сначала на стол, потом на меня и говорит: Профан ты Иван и бездарь, ни хрена из тебя не получится!

Мария, долго не могла успокоиться, хохоча над рассказом Ивана, а потом, внимательно посмотрела на него и вымолвила:

— Я, вот, сколько тебя знаю, не могу понять, когда ты шутишь, а когда говоришь правду? Почему ты все свои истории называешь, интихаса? Что это за слово мудрёное?

С лица Ивана, исчезла улыбка и он тихо, задумчиво, произнёс:

– Машенька! У индусов, интихаса – это история на грани вымысла и реальности. Скажи мне, пожалуйста, разве наша жизнь, не интихаса? Разве то, что происходит с нами ежедневно, не граничит с выдуманным кем-то сюжетом?

Парень, глядя вдаль невидящим взглядом, сделал паузу и добавил;

– А если говорить о чистой правде, то ты её знаешь, как ни кто другой.

– Не поняла?

Широко открыв глаза, переспросила она;

– А что тут понимать! Ты ведь, видишь моё отношение к тебе? Вот и сейчас, если говорить откровенно, я не столько люблю закатом, сколько тобой. А вечер? Ну что ж, отличный вечер! Наверно, такие вечера были и раньше, но я почему-то никогда не обращал на их внимания. Скорее всего, потому, что они были похожи друг на друга. А сегодня особенный вечер. Потому что ты рядом и повторится ли он ещё когда-нибудь, неизвестно! Наступит «завтра» и мы разведемся в разные стороны.

Парень тяжело вздохнул и не глядя в глаза девушке так же тихо продолжил;

– Встретимся, или нет, известно одному богу. Поступим в институты, жить будем в городе. Там интересно. Театры, кино, новые друзья, ну и всё такое. Одно плохо, что институты и города у нас разные. Из Москвы, тебе, приехать будет сложнее домой. А может быть и вовсе, не захочешь.

Разоткровенничался Иван, но Маша недовольно перебила его:

– Я, опять, не понимаю твоих намёков? Что ты хочешь этим сказать?

– Да, ничего! Уедешь и забудешь, кто такой Ваня.

Избегая её пристального взгляда, опустив голову, обиженно ответил парень.

–

Я, инвалид. У меня новая ступня не вырастет. Я, старше тебя на два года. А, рядом с тобой будут здоровые, молодые и красивые, как ты, ребята. Удержаться от соблазна, встретиться с ними, будет сложно. Но я тебя и не напрягаю ни какими обязательствами. Ты, свободный человек и решать только тебе.

– Почему ты меня, всё время хочешь сегодня оскорбить? Я тебе давала, когда-нибудь, повод так думать обо мне?

Глядя, также открыто в глаза, возмутилась девушка.

– Ты мне нравишься, какой есть. И меня абсолютно не волнуют твои физические недостатки. Ну а, если уж рассуждать об этом, то в том, что у тебя нет ступни, есть даже свои плюсы. Далеко от меня вряд ли убежишь. Догоню! И вообще, давай сменим тему. Как будто поговорить нам больше не о чем. Почитай лучше мне стихи.

Маша, наконец-то, отвела взгляд в сторону, давая, тем самым, собеседнику понять, что разговор на эту тему закончен. На некоторое время между ними воцарилось молчание, которое нарушил Иван;

– Выткнулся на озере алый цвет зари,
– На бору, со звонами, плачут глухари,
– Плачет где-то иволга, хоронясь в дупло,
– Только мне не плачется, на душе светло

– Подожди!

Прервала его девушка:

– Прочти свои. Помнишь? Вот то, что написал для меня?

Парень немного помедлил, после чего, подняв голову в небо, задумчиво, на распев продолжил:

– Губами мне б к твоим устам
– Прижаться, что во мне есть силы
– И бросить мир к твоим ногам,
– Что б от тебя услышать;– милый!

– Как долго я тебя ждала
– и путь, ко мне, был твой не близкий
– не раз черёмуха цвела
– склонив от грусти ветви низко

– Без края дождь ночами лил,
– когда я Господа просила,
– что б обо мне ты не забыл,
– что б вновь тебя увидеть, милый!

– Так поцелуй меня, прижмись,
– не смей скрывать объятий силы,
– я та, чьё сердце и чья жизнь
– принадлежит тебе, любимый!

Иван, густо покраснев, не решался посмотреть на ту, которой он посвятил эти строки. А Маша придвинулась ближе, осторожно положила голову ему на плечо и сказала одно, единственное, слово:

– Замечательно!

Парень, облегчённо вздохнул и уже не так робко спросил:

– Ещё?

Мария в знак согласия кивнула головой и молодой поэт, продолжил:

Я рад, когда меня встречают
Без суеты, натянутых гримас
И широко, всем сердцем, принимают,
Пусть видят даже, только первый раз,

Не задают заученных вопросов,
Не делят груз, со мной, своих проблем,
Не смотрят в спину, из-за дверки косо,
Как хлеб и соль я с аппетитом ем

Я рад, когда мне тоже рады,
Когда не смотрят на мой ранг и чин,
Не ищут, на груди моей награды,
А видят одного, из всех мужчин

Я рад, когда при расставании
Не вижу на глазах прощальных слез,
И счастлив буду, если, вдруг, непониманием
Обижен будет кто-то не всерьёз!

Парень вновь замолчал, не решаясь даже шелохнуться. А девушка смотрела вдаль, туда, где за соснами скрылось солнце. Куда ушёл очередной день, ещё один. Сколько их будет впе-

реди? Сто? Двести? Тысяча? Или на много больше? От таких мыслей ей стало ужасно грустно, отчего она ещё плотнее прижалась к плечу Ивана и прошептала одними губами;

– Ещё, что-нибудь, пожалуйста!

Иван, облегчённо выдохнул, что бы в очередной раз набрать воздуха в лёгкие и продолжить:

От вечерней зари, до хмельного рассвета,
Полный музы скрипач или просто изгой
Не от мира сего, я потрогаю лето
Растворившись в тумане над быстрой рекой

Каплей, липкой росы, упаду на осину,
Разорву тишину гулким эхом ключа,
Тучи, млечным путём, над землёю раздвину
И кометой с небес вниз рвану, сгоряча

Лягушачьим оркестром всплыву над болотом,
Криком, блудной, совы поброжу по лесам,
Что б влюбиться в Отечество, стану я летом
И почувствовать Родину, стану Родиной сам!

Тем временем, приближалась ночь. Где-то не далеко в лесу громко заухал филин, а по берегам, отзываясь ему, и перебивая друг друга, завели свою монотонную песню лягушки. Над рекой белыми клубами, медленно, стал подниматься туман и сразу, от неё, повеяло холодом. День заканчивался и ночь, пусть на короткое время, торопилась насладиться властью, данной ей природой. Молодые люди, нехотя поднялись, собираясь уходить домой. Их деревня, с красивым названием Милена, находилась поблизости. Крепкие, деревянные дома и хозяйственные постройки, извилистой змеей расположились на возвышенности. Маша взяла Ивана под руку и тот, прихрамывая на одну ногу, заковылял рядом с ней. Но у первого же дома, она одёрнула руку, стесняясь людского глаза. Хотя все уже давно знали об их отношениях, потому что дружба молодых людей длилась не один год. Даже местные сплетницы устали за это время выдумывать про них всяческие небылицы. Пройдя, почти половину деревни, они остановились у небольшой избы, где жила, вместе с мамой, Мария. Отец, умер, дочери не было и пяти лет, а мать, постоянно болела, поэтому хозяйство, состоящее из коровы, курей, поросёнка и собаки, лежало на её плечах.

– Ну всё, иди. Мне ещё управляться по дому надо. Поедем завтра, как договаривались, поездом.

Стала прощаться девушка. Но парень, упорно не хотел уходить, выдумывая всякие причины.

– Сейчас уйду. Давай постоим, у меня нога разболелась. Протезом натёр. А может, на лавочку присядем?

– Нет, нет, Вань! До дома потерпишь, я думаю, не умрёшь. Да и темно становится, пора уже. Всё, до завтра!

Голосом, не терпящим возражений, сказала Маша.

– Ну, можно тогда, я поцелую тебя, хотя бы в щёку?

Вопросительно глянув на неё, спросил Иван,

– Иди уже, поцелуйщик! Вот когда отведёшь меня принародно к себе домой, тогда и поцелуешь! А сейчас, до свидания!

Девушка, открыв дверь, скрылась в доме. Как бы он хотел отвести её к себе прямо сейчас, но отец, Илья Иванович, человек весьма строгих правил и порядка, а так же жёсткого характера, поставил условие, нарушить которое он не решался. И не только потому, что боялся отца, хотя не без этого, а просто так принято. Воля отца, прежде всего, тем более, что в ней не было ни чего возмутительного:

– Поступишь в институт, тогда делай, что хочешь.

Говорил он сыну, когда речь заходила о Маше.

– Разве я, против? Девушка хорошая, трудолюбивая, но тебе нужно построить будущее для своей семьи. А ваше будущее, это институт.

И в глубине души Иван понимал, что он прав. Совсем другие доводы были у его матери, Анастасии Гавриловны. Женщина, она была добрая, но единственный ребёнок в семье, сделал из неё эгоистку, которая жила им и для него. Она категорически была против этого союза, считая семью Марии нищей, не достойной её сына. Хотя в деревне, на первый взгляд, жили все одинаково, всё же была видна и разница. Родители Ивана, по сравнению с другими, жили богато. Но и работали, правда, не покладая рук, имея большое хозяйство, в которое входили даже пчёлы, а это значит, приходивший в район дефицитный товар, не редко доставался, по справкам из сельсовета, в обмен на мёд, им.

– Чем тебе нравится этот стручок? Кожа, да кости. Таких оборванцев, пруд пруди. Лучше бы пригляделся, вон, к Тамаре. Бабёха, так бабёха. Кровь с молоком.

Корила она сына за неправильный, по её мнению, выбор. Но истинную неприязнь к Марии, видел даже её муж, который, не смотря ни на что, поддерживал сына:

– Отстань от него. Пусть сам решает, кто ему люб. Ты, за корову, готова продать собственного ребёнка. Машу, с Тamarкой сравнила. Ну и что? Что она председателя дочка? Да я, после литра самогона, на её рожу без слёз глянуть не могу. Жматя, как прошлогодняя картошка.

Здесь, Илья Иванович переходил на такие крепкие выражения, что жена, повязав платок и схватив вёдра, отправлялась за водой. Такие перепалки, в семье Ивана, возникали частенько. И он ожидал с нетерпением того дня, когда сможет, наконец-то поступить в институт, что бы привести в дом Марию. Оставалось совсем немного времени, когда его мечта сбудется. Врядли, кто знал, какие чувства кипят в душе этого хромого паренька. Ни кто и ни когда, как казалось ему, не любил так крепко, как он. Для неё, он готов был сделать невозможное. Ради неё, он начал писать стихи. Ему нравилось то, с каким вниманием она слушала их, внимая каждому его слову. Но сегодня, Иван был очень удивлён сообщением Маши. Она тоже решила поступить в институт, хотя об этом, разговора раньше не было. После школы, Мария думала годок повременить с учёбой, устроившись на работу. Её очень ценили за прекрасный голос в местной художественной самодеятельности и расставаться с любимым делом ей не хотелось. А здесь, институт! Это, грозило разрушить все его планы, относительно их будущего.

– А как же твоя мать? Одной ей не справиться с хозяйством.

Спрашивал он её, там, у реки.

– Всё решено. Мама оставит себе только корову, да курей. Поросятка зарежут. Я попросила, чтобы без меня, завтра. Я, к нему так привыкла.

Грустно объясняла Мария.

– А ко мне? А обо мне ты подумала? Как я буду жить без тебя? Ведь ты уезжаешь в столицу, а я остаюсь здесь.

Не унимался парень. Но девушка, успокоила его, сказав;

– Если ты мне веришь, то знай, как бы далеко мы не были друг от друга, ты у меня единственный, которому я, буду верна всю жизнь, если, конечно, ты будешь этого достоин.

Эти слова, воодушевили Ивана вновь. Он понимал, что Маша, дала ему клятву, которой, несомненно, он верил.

Из состояния, в котором он находился неопределённое время, его вывел знакомый голос. Видя, что Иван не собирается уходить, Мария вышла из дома, чтобы выдвинуть ему ультиматум:

– Если ты, сейчас же не пойдёшь домой, завтра, я уеду одна, не дожидаясь тебя!

Эти слова, мгновенно остудили упорство парня. И он, не сказав в своё оправдание ни слова, нелепо переваливаясь со стороны в сторону, засеменял прочь. Девушка, увидев это, засмеялась и, помедлив, вернулась в дом. А Иван, пробежав ещё не много, чтобы не споткнуться на какой-нибудь колдобине, перешёл на шаг. На улице, уже стемнело. Идти оставалось недалеко и он, в который раз уже, хотел пофантазировать о будущей своей жизни с Машей. Но ему не дал этого сделать приятель, встретившийся на дороге, которого звали Семёном, а иногда и Рыжим. Скорее всего, за цвет волос не его голове. Узнал его Иван по разухабистой походке. Парень, был хулиганистый. Не обыкновенной силы и роста. Возрастом, старше Ивана года на три, но не служивший в армии, как и товарищ, по причине болезни. Ещё в детстве ему удалили, то ли почку, то ли лёгкое. Не одна свадьба в округе не обходилась без его присутствия. И всюду, где он появлялся, ни разу не обошлось без драки. Из многих, очень неприятных ситуаций выручил его Иван. За что, тот, был ему признателен и относился к нему с большим уважением. Хотя Ванька, как называли его друзья, не был любителем подраться, но, не смотря на инвалидность, делал это умело.

– Привет, Вань!

Протягивая огромную ладонь, проговорил Семён. Из рта, даже на расстоянии, Ивана обдало сильным перегаром от самогона.

– Я тебя сразу узнал. От Машки чешешь?

Да уж, меня трудно узнать! У нас ведь все в деревне, безногие?

Засмеявшись, с ехидством в голосе, ответил Иван и тут же задал встречный вопрос;

– А ты откуда и куда, на ночь глядя?

– Да сегодня сено Лихаю привезли. Поддали, да маловато. Пойду к Кузминешне, может, выручит бедолагу.

– А если, нет?

– А если нет, забор сломаю. Всё равно нальёт, что б обратно поставил.

Показав жёлтые, прокуренные зубы, он, тоже громко захохотал. А успокоившись, продолжил:

– Слышал, ты в институт намылился? Покидаешь деревню и друзей? Без тебя, Хохловские совсем обнаглеют. Я, один с ними не справлюсь.

– Ну, не брешь, не один остаёшься. А ,Сева, Лихай, Чеснок? Не пропадёте! А если вдруг убьют, не бойся, не забуду, приеду на поминки. Ох и нажрусь, на халяву.

– Спасибо! Успокоил! Я знаю, ты можешь поддержать человека словом в трудную минуту.

Утвердительно сказал Семён и театрально поклонился. Приятели, снова, весело засмеялись.

– Ты слышал прикол, позавчера?

Не унимаясь, спросил Рыжий.

– Что случилось?

– Про Нинкину корову?

– Нет!

– Да ты вообще, как с луны свалился! Ну, ладно, слушай! Позавчера, Нинуха скот стерегла, загнала стадо в низину, где стога колхозные стоят, а они ж огороженные. Ну, так вот, скотина пасётся, а она задремала, на бугорке. Под солнышком, видно, разморило. Отделяется её корова от стада и шасть

к стогу. Голову, просунула сквозь изгородь и жуёт сено. Это дело, заметило всё стадо и потянулось к ней. В общем, коровы окружили стог, некоторые тоже просунули головы между кольев и давай набивать утробу колхозным сеном.

– Покороче, можно?

Перебил его товарищ, но Семён, словно не услышал это замечание, продолжая рассказ:

– Коровы-то едят, а быкам, что важнее? Они, как увидели с заду, картину Пикассо маслом, глаза загорелись, и давай на них прыгать. Те, назад, а головы обратно не лезут. Некоторые изловчились, высунули бошки. А кто не высунул, там и оставил честь, угождая быков. А знаешь, сколько этот праздник для быков длился?

Смеясь над своим рассказом, спросил Рыжий и, не дожидаясь, сам ответил:

До тех пор, пока бабы на обеденную дойку не пошли. Теперь вся деревня матом кроет пастушку. Дед Матвей сказал, если его тёлку быки поломали, он Нинкину голову, между колышками зажмёт.

– А она что?

Надрываясь от смеха, спросил Иван.

– А она, говорит ему; «– у тебя силёнок не хватит!»

– А дед Матвей?

– А он ей; «– Я, сам, не позарился

бы и молодой на тебя, а сейчас тем паче. Я, сделаю по-другому, привезу мужиков с городу, поставлю, для

эффекту, им самогона и нехай развлекаются ребята, как деревенские быки с моей тёлкой».

При этих словах, Рыжий, глядя на товарища заржал так, что собака в соседнем дворе, испугавшись, залаяла. Минут десять друзья не могли отойти от смеха, наконец, мало-помалу они утихомирились.

– Ну, ты и рассказал хохму. Похлеще анекдота. Ладно, пока, мне пора. Завтра рано вставать.

Иван, на прощание, хлопнул ладошкой в грудь Рыжиму и направился к калитке палисадника своего дома, а тот, замурлыкав себе под нос какую-то песню, отправился дальше. Но, сделав несколько шагов, обернулся и закричал:

– Ванёк! Мне лошадь дали, сено возить. Если хочешь, отвезу вас с Машей к поезду? Во сколько, подъехать?

– Отлично! Это, первая хорошая весть за сегодняшний день! Давай, часа через четыре, ко мне подъезжай! Договорились?

– Без проблем!

Промычал Семён и пошёл дальше. Иван, обрадованный этим обстоятельством, стараясь не разбудить родителей, тихо прошмыгнул в комнату, разделся, снял опостылевший протез с ноги и запрыгнул под одеяло.

Вторая Глава

.

Расставание

– Ваня! Сынок! Просыпайся!

Иван открыл глаза и увидел над собой не бритое лицо отца. Ему показалось, что он только что лёг. Четыре часа пролетели одной секундой;

– Поднимайся! Поднимайся! Рыжий, заждался.

Продолжал будить сына, Илья Иванович.

– А где он?

Сонным голосом, зевая, пропел Иван.

– Да вон, на кухне сидит. Уже надоел, как собака. Бутылку самогона выжрал, как будто воды с колодца испил. А говорит больной! Какой он, на хрен больной? Мне б его здоровье!

Сокрушался отец, и, видя, что сын поднимается, развернулся и пошёл обратно к надоевшему гостю. Ваня, нацепил дорогой, пластмассовый протез на ногу, перетянул его для надёжности ремнём, так как день намечался бесконечно долгим и натянув рубашку, одев брюки и носки, вышел из комнаты. У печи, возилась мать, готовя корм скотине, а за столом, на котором стояла, начатая бутылка самогона и лежали в тарелке огурцы с нарезанным, тонкими ломтиками, салом, сидели отец и Семён, который был, как всегда навеселе. Поздоровавшись с ним, Иван вышел в сени, схватил двухпудовую гирию, стоявшую под лавкой, несколько раз поднял её, меняя руки, и наскоро умылся холодной водой прямо из ведра. Потом вернулся на кухню, сел за стол и не торопясь, принялся за завтрак, который состоял из большой кружки молока и сладких сушек, лежащих в деревянной хлебнице. Покончив с ним, он встал из-за стола и, посмотрев на родителей, которые непрерывно следили за его движениями, сказал:

– Ну, всё, мне пора! Уже рассвело, надо торопиться!

Потом, обращаясь непосредственно к Семёну, добавил;

– Вставай, ямщик, ещё к Маше заехать нужно!

При этих словах, Анастасия Гавриловна, не довольнo покачала головой, но, поймав на себе строгий взгляд Ильи Ивановича, промолчала. Иван, схватил со скамьи рюкзак, с вечера собранный матерью, снял с гвоздя потертую брезентовую куртку и вышел из избы. За ним последовали остальные. У порога, родители благословили сына, поцеловав на прощание и трижды перекрестив его, а мать в дополнение ко всему, пустила слезу. Чтобы не видеть этого, тот запрыгнул в телегу и крикнул, Рыжему;

– Погоняй!

Повозка тронулась, но, не надолго. Подъехав к дому Марии, лошадь снова остановилась.

– Подожди здесь. Я, по-быстрому!

Спрыгнув с телеги и не оборачиваясь, проговорил Иван. Зайдя на веранду, он громко постучал кулаком в дверь, которую открыла, мама девушки, Елена Даниловна. Низкая, худая женщина со здоровым румянцем на лице и милой улыбкой. Она, относилась к Ивану с нескрываемым уважением и он, видя это, старался, как мог, не потерять этой благосклонности к себе.

– Ванюша! Заходи, заходи! Маша, ещё управляется. Сейчас я её кликну.

Она, открыла другую дверь, выходившую во двор и звонким, не по возрасту, голосом крикнула:

– Маня! Маня! Хватит там копать, тебя Ванюша заждался!

Иван посмотрел через плечo женщины и увидел любимое лицо девушки. На голове у неё был повязан синий платок, в который она заправила волосы. На тело, накинута старый, разноцветный халат, а ноги обуты в резиновые сапоги. Но даже этот наряд не мог испортить натуральной красоты и непосредственности.

– Я, сейчас! Зерна курам насыплю и всё!

Отозвалась девушка.

– Пойдём, Ванечка!

Снова обращаясь к парню, произнесла Елена Даниловна и, отворив дверь, зашла в избу, приглашая за собой Ивана. Тот, наклонив голову чтобы не зацепиться о низкую притолоку, последовал за ней и, войдя, уселся на небольшой табурет, стоящий у печи.

– Вот так мы и живём!

Подставив другой табурет рядом, и устроившись на него начала разговор женщина.

– С ума сошла, девка! Бросает родную мать. Зачем ей этот институт культуры, не понимаю? Сейчас, хорошие деньги на ферме платят. Не то, что мы раньше, за трудодни намахивали. Так нет же, всё вам мало. Ох, молодёжь, молодёжь! Чего вам не хватает?

Иван, хотел открыть рот, чтобы ей возразить, но в дом вошла Маша.

– Ой, какая погода занимается. На небе ни облачка. Красота! Ваня, пошёл к Семёну выйди, а то, как-то неудобно. Человек нас ждёт, один сидит.

Парень, не говоря ни слова, поднялся и вышел, оставив мать с дочкой наедине. На улице и в самом деле была замечательная погода. Солнце уже выглянуло из-за леса. Ветра не было и отовсюду слышалось разноголосое пение птиц. На телеге, повернувшись на бок, лежал Семён и громко храпел. Иван не стал будить приятеля, а сняв с себя чёрный пиджак, положил его рядом на сено, подготовив, таким образом, место для девушки. Потом забрался на неё сам, взял поводья в руки и стал ждать Машу. Спустя четверть часа в дверях показалась Мария. Она была в зелёном сарафане, волосы заплетены в косу, закрученную на затылке, в чёрных туфлях и с чемоданом синего цвета в руках. Позади неё, со следами слёз у глаз, виднелась фигура Елены Даниловны. Они молча остановились у повозки и Иван, прыгнув, посадил на неё девушку, потом, неловко, запрыгнул сам. Мать перекрестила дочку, и лошадь тронулась, увозя за собой телегу и трёх седоков. Выехав за деревню, парень сильно хлестанул поводьями по бокам лошади, крикнул что-то непонятное и та, перешла на рысь. Недолгое молчание нарушила Маша:

– Знаешь, что мне пожелала мама?

Обращаясь к Ивану, сказала она.

–

Что?

– Чтобы я провалила экзамены и вернулась в деревню.

– А ты, что ответила?

– Сказала, что если и вернусь, то к тебе в дом!

Иван, не веря своим ушам, повернулся всем телом к Маше, еле удержавшись на телеге, открыл рот и переспросил ещё раз:

–

Это

,

правда?

– А я тебя, разве обманывала раньше?

–

Нет!

–

Значит, правда!

– Но! Милая! Но! Не спи!

Снова повернувшись к лошади, радостно закричал парень, будто она стояла на месте. Иван, то и дело хлопал вожжами по спине рысаку пока тот, не перешёл в галоп. В этот момент проснулся Семён. Увидев издевательство над подопечным животным, он придвинулся к Ивану, протянул руку и сказал;

– Дайка, поводья! Это тебе не арабский скакун! Мне, на нём, сегодня, целый день сено возить.

А ты, бега устраиваешь.

Маша громко засмеялась, а парень, как ни в чём не бывало, передал вожжи товарищу. Рыжий, перевёл лошадь, опять на рысь и попросил девушку, чтобы та спела.

– Мария, у тебя такой красивый голос! Да и дорога короче покажется, нам ещё труситься и труситься.

Она не стала отказываться и звонко, на весь лес, запела:

–

Деревня моя, деревянная

,
дальняя,
– Смотрю на тебя я, прикрывшись рукой
– Ты в лёгком платочке июльского облака
– Стоишь одиноко над быстрой рекой.....

Вот так, слушая её песни, друзья быстро добрались до Чернавы, ближайшей от Милены железнодорожной станции. У вокзала, Семён высадив молодую пару, а сам, попрощавшись, повернул назад. Иван, оставив девушку с вещами, пошёл за билетами и вскоре вернулся обрадованный.

– Я, тебе, до самой столице билет взял. В области, пересажу на Московский, он идёт ночью, а сам потом, как-нибудь доберусь до института.

–
Ван
юша
! Я сама пересяду!

Пыталась поспорить с ним Маша. Но Иван был неумолим.

– Ещё чего! Возражения не принимаются. У нас, с тобой, целый день будет в запасе. Сходим в кино. Мороженого покушаем. В общем, скучать не будем. Пойдем, присядем на лавочку.

Парень, накинув рюкзак на плечо и подхватив чемодан, направился к лавочкам, стоявшим под высокими тополями на привокзальной площади. За ним последовала и спутница. Там, ещё ни кого не было. До проходящего поезда оставалось не меньше получаса и молодые люди, удобно расположились в ожидании его.

– Ванюш? А почему ты решил поступить в сельскохозяйственный? Ты же закончил школу всего с двумя четвёрками?

Спросила Маша, посмотрев на Ивана.

– Да мне, впрочем, не было ни какой разницы, куда отдавать документы. Лишь бы институт. А тут колхоз направление дал. Повышенная стипендия. Рядом с домом. Вообще, меня устроило. Но если бы я знал, что ты тоже поступаешь, непременно туда же направился бы. Мне Елена Даниловна об этом ни чего не сказала, как и ты.

Замявшись и густо покраснев, ответил Иван.

– Мама и сама не знала. Я всё решила в последний момент. Когда увидела, что она симулирует с болезнью. Зачем, она это делает? Не понимаю!

– А я знаю!

Возразил парень.

– У тебя мать, очень умная женщина. Всё это, она предвидела уже давно и решила, просто привязать к себе дочку, хотя бы так. Одной, сама понимаешь, вести хозяйство трудно, а с тобой, ей повезло!

– Может быть ты и прав!

Согласилась девушка;

– но всё равно, обидно!

– А ты, не думай об обиде. Я, ни когда не поверю, чтобы наши матери желали нам зла. Просто, у них своё представление о добре и зле. На их долю, жестокое время выпало. И не у кого им добру было учиться. Поэтому, забудь про обиду. Хочешь, историю расскажу?

Вдруг спросил юноша.

– Конечно!

Согласилась Маша и Иван подсев поближе, начал:

– Жили-были у отца с матерью две сестры. Старшая, была весёлая, шустрая и непоседливая, от рождения. Ни минуты, не могла она побыть дома. То в лес по грибы, то по ягоды,

то с мальчишками на речку. И всегда приходила домой с полным ведром, то грибов, то ягод, то рыбы. Младшая же, полная её противоположность. Тихая, задумчивая, простая и безобидная. Не когда ей было бежать за сестрой, потому что дома нужно было помогать по хозяйству матери, да отцу. То корову покорми, то картошку прополи, то воды принеси. А выпадала свободная минута садилась она у окна и мечтала о принце. Всё время, пока росли девчонки, подсмеивалась старшая над младшей. “Эх, ты, тюха-матюха, так ты счастье своё и просидишь у окна. Его не ждать, а искать надо!” В ту пору, случись война в том краю и всё мужское население, за исключением детей, да стариков, ушли воевать. Подумала, подумала, старшая и решила: “А не чего мне юбку просиживать дома, пойду я мужикам подсоблю.” Собрала вещички, да и ушла. А младшая, поглядела ей в след и сказала; “Нет, не могу я стариков, да детей, оставить без пригляду.” Однажды на сенокосе, видит младшая, конь еле ноги волочет, а на спине всадник раненый, полуживой. Она, к ним. Привела их домой, откормила, отпоила, одним словом от смерти спасла. Долго благодарил её за это всадник и спросил:” Вот, закончится война, не найдётся ли в вашем селе для меня красавицы в жёны?” А она ему отвечает;” Как с победой вернешься, так и поговорим!” Долго ли, коротко, длилась та война, но в конце концов закончилась победой. И вернулась домой большим командиром старшая сестра. Затеял народ в честь этого праздник. День гуляли, другой, а на третий, видят на пороге красавец стоит. Весь в медалях и орденах, сабля на боку. Одним словом принц. Простите меня, говорит, люди добрые. Приехал я к вам свататься. Отдайте мне в жёны самую лучшую, ту, которая для вас дороже всего. Которая вам роднее отца с матерью.” И вывели ему люди навстречу младшенькую. Мораль этой басни такова; Не тот герой, который сломя голову в огонь бросается, а тот, кто из него людей вытаскивает!

Иван, закончив рассказ, посмотрел на Марию, которая с таким вниманием слушала его, что не заметила, как её плащ свалился с колен и лежал на земле.

— Откуда, ты знаешь такие истории?

Спросила задумчиво Маша.

—

Потом расскажу, поезд прибывает.

Ответил он, поднимая плащ девушки. Пока они разговаривали, площадь постепенно заполнялась народом. И к приходу поезда, его было уже достаточно много, чтобы создать толкучку у открывшихся дверей тамбура. Но за отведённое время, для стоянки, все успели зайти в вагон. Ребятам снова повезло. Для них нашлось место и, усевшись, они без приключений приехали в областной центр. Иван запихнул вещи в автоматическую камеру хранения, взял Машу за руку и повёл показывать город. Здесь он, бывал не раз, и не только с отцом, помогая ему продавать мёд с пасеки, а девушке, всё было в новинку. Целый день, Иван водил Машу по городу. Где они только не были, ходили в музей, в кино, где показывали индийский фильм, глядя который девушка плакала навзрыд. Заходили в большие магазины, и у Маши от увиденного товара широко открывались глаза. А так же, перекусить в кафе. К вечеру, у Ивана стала нестерпимо ныть нога в протезе. Но он, не показывая вида, смеялся и рассказывал какие-то истории. Лишь однажды с ними произошёл не приятный инцидент, о котором девушка, естественно, не узнала. Когда в городском парке, под сенью деревьев, они пережидали полуденный зной. Двое парней, давно видимо приглядывались к их персонам, неотступно следуя за парочкой. Поняв, что это приезжие из деревни, да к тому же парень инвалид. Но они, в свою очередь, не остались незамеченными Иваном. Он поднялся и направился в туалет, зная, что те, обязательно последуют за ним.

—

Маша, я скоро.

Сказал Ваня, оставшейся на лавочке и ни чего не подозревавшей девушке. Не успел он зайти в общественное место, как позади раздался грубый оклик:

—
Эй, кастыль,
тормози лаптём
!

Иван повернулся к подошедшим грубиянам лицом и со всей силы пнул протезом одному из них в пах. Не ожидавший такого поворота событий, тот, скрючившись, повалился в мокрую жижу. Второй успел только открыть рот в недоумении, как Иван, кулаком правой руки ударил его в нос. Раздался хруст и противник последовал за товарищем. Пару раз, ударив обоих, здоровой ногой он раздосадовано плюнул на них и процедил сквозь зубы;

— Быки комолые, кого вы надумали на гоп-стоп брать? Ещё раз, увижу вас, кастрирую обоих.

Потом развернулся и вышел. К Маше, Иван подошёл, как обычно, улыбающийся и в хорошем расположении духа. Посидев с ней ещё чуть-чуть, ради приличия, он увёл её, снова, в кафе. Так прошёл день. Вернувшись на вокзал, уставшие, но счастливые, они достали вещи из камеры хранения, сели и стали ожидать посадки на Московский поезд.

— Как же я узнаю, поступила ты или нет?

Спросил, Иван.

— Если я поступлю, то сразу же напишу тебе об этом. Ну, а если нет, жди меня в гости у себя в институте. Ты же мне показывал сегодня, где он находится? Думаю, не заблужусь.

Ответила Маша и парень, в который раз уже, повторил:

— Я тебя, буду ждать! Очень!

После этого они поменяли тему разговора, вспоминая свою деревню и знакомых, оставленных в ней. Мечтали о будущем, фантазируя, кто как мог. И время пролетело очень быстро. Солнце, скрылось за высокими, однообразными домами и на перроне вокзала зажглись фонари. Строго по времени подали под посадку поезд и пассажиры двинулись к нему. Иван, сжав зубы от боли в ноге, повесил на плечо рюкзак, взял чемодан и тоже, вместе с Машей, направился по перрону к вагону написанному в билете. Расставание было не долгим. Оставив чемодан в купе, они вышли на улицу, где Маша, сама, первый раз за всё время их дружбы, чмокнула Ивана в губы. Он, даже, не успел среагировать, как она, тут же, заскочила обратно в вагон. Парень подошёл к окну и стоял там, до тех пор, пока не тронулся поезд. Ему не хотелось покидать то место, где он впервые почувствовал прикосновение её нежных губ. Маша, уехала, но Иван, почему то, был уверен, что она вернётся, и скоро. Тогда уже, он никогда не отпустит её от себя.

А пока,,,,,,, пока надо было ехать, тоже, в институт, сдавать экзамены и начинать учиться.

—
Всё
,
будет хорошо!

Произнёс, он вслух.

— Обязательно! Всё будет хорошо!

Третья Глава

.
Возвращение

Все экзамены, как и предполагал он, Иван, сдал на хорошо и отлично. От Маши, вестей не было. На городском рынке, пару раз встречал односельчан, которые рассказывали события происходившие в деревне, но и туда она не возвращалась. Оставалось ждать. После собрания, на котором, торжественно вручали поступившим студенческие билеты, Ивана вызвали в дека-

нат, где предложили стать комсоргом курса. Но, он отказался. Сославшись на постоянную боль в ноге.

– Вы меня простите, пожалуйста, но какой же из меня комсорг, если я, постоянно буду ныть по поводу своей беспомощности. Я бы и рад, но как комсомолец, не могу вам в этом не признаться.

Собравшееся в кабинете начальство по достоинству оценило его честность и назначило Ивана старостой группы.

– Ну, это ещё куда не шло.

Думал он про себя. Хотя истинная причина отказа была совершенно другая. Эта должность, коренным образом могла изменить его планы в отношении всей дальнейшей жизни, и в частности с Машей. Чего он, абсолютно, не хотел. Выходя из кабинета, Иван, нос в нос, столкнулся с парнем, который был соседом по комнате. Звали его Петя. По всему было видно, что тот искал дружбы с ним, сразу заметив в Иване силу и независимость. Но Иван, не отвечал взаимностью, подсознательно чувствуя скрытую сущность этого человека. Проще говоря, видел насквозь его. У таких людей, подхалимство и предательство, рождаются до них, но в то же время они скрытны и очень мстительны. И вести себя нужно с ними, крайне осторожно.

– Ваня! Я тебя повсюду ищу!

Залебезил Петя, перед соседом по комнате.

– А что меня искать. Я и не терялся.

Не хотя посмотрев на него, проговорил Иван.

– Да, ты вообще-то, нужен, не мне, а блондинке, которая уже битый час ждёт тебя в фойе института.

Иван, услышав эти слова, опрометью бросился по коридору. И у доски объявлений, где висели списки поступивших, увидел Машу. Сердце, готово было выскочить из груди.

–

Маша! Маш

енька

!

Радостно, закричал он, подбежав к ней.

Девушка обернулась и с такой же, не скрываемой радостью, заулыбалась.

– Подожди обниматься! Пойдём выйдем. На нас смотрят.

Шепнула она ему на ухо. Иван, мельком глянул по сторонам и увидел любопытные взгляды, направленные в их сторону. Выйдя из здания, они направились в парк. Погода была подходящая, не жаркая, но за то сухая. Парень, с порога завалил девушку вопросами:

– Где твои вещи? Ты поступила? Откуда, ты? Как доехала? Ты кушала?

Маша, улыбаясь, всё выслушала, подождала пока Иван успокоится и стала рассказывать свои похождения:

– Добралась я до Москвы, нормально. Кстати, знаешь, какая она красивая и большая?

Но увидев на лице собеседника, полное равнодушие к этой теме, продолжила рассказ о себе:

– Так вот! Приехала в институт, сломав по дороге, в метро, каблук от туфель. Там есть лестница, которая сама едет, я спрыгнула с ней, а каблук остался.

Иван засмеялся, а Маша обиженно заметила:

– Ты смеёшься, а мне было там не до смеха. Хорошо, что мама положила домашние тапки в чемодан.

– Да, не переживай ты за туфли, куплю я тебе новые.

Рассказывай

,

дальше.

Перебил её парень и девушка продолжила:

– Сдала документы в приёмную комиссию и поселили меня в спортзал, где жили абитуриенты. И девчонки, и мальчишки, все вместе. Спали, прямо в одежде. Одним словом, конюшня да и только. Короче, устные я сдала, а сочинение завалила. Собрала вещи, сижу, плачу. Подходит ко мне, такой интилегентный мужчина.

Спрашивает, почему рев

у

? Я ему

,

всё и рассказала.

– А он, предложил тебе помощь? За деньги, естественно!

Снова перебил её Иван.

– Ну да!

Удивлённо, протянула Маша.

– А ты, откуда знаешь?

– Эх ты, простота ты моя, простота! Как же ты добралась, без денег?

Жалостливо посмотрев на неё, снова спросил он.

– А как! Ждала я, ждала. А потом набралась смелости и пришла в приёмную комиссию. Рассказала о произошедшем со мной случае, а мне отвечают. Здесь, говорят, не дурдом, а институт культуры.

Вы, девушка, перепутали адрес.

Иван, еле сдерживал себя, чтоб не разразиться смехом, а Мария продолжала:

– Ах, дурдом! Я притащила туда свой чемодан, матрац, одеяло и легла у порога. Они, опешили от такой наглости. Посмотрите, кричат, что эта крестьянка выдумала. В приёмной комиссии, устроила общежитие. Вызвали милицию и та отвезла меня в отдел.

Здесь уже парень не выдержал и захохотал. Девушка последовала его примеру. Наконец, успокоившись, Иван попросил продолжить рассказ.

– А что продолжать? Не знаю каким образом, милиционеры достали мне обратный билет, дали рубль на дорогу, накормили и проводили. Вот и всё! Приехав, вещи закрыла в камере хранения, и напрямиком к тебе.

Ты рад, мне?

Вопросом, закончила она свой рассказ.

–

И ты ещё спрашиваешь?

Обиженно произнёс парень и добавил:

– Значит так! Сейчас, я отпрашиваюсь и мы едем в Милену!

–

А отпустят тебя?

–

Куда они денутся?

Уверенно заявил Иван и уже через два часа они тряслись в поезде, который вёз их в направлении Чернавы.

– Ты, не в курсе, как там мама? Я по ней, ужасно соскучилась.

Поинтересовалась Маша, удобно усевшись у окна.

– Всё нормально! Я, Режиму дал партийное поручение, помогать твоей матери. За это, ему полагаются премиальные в виде самогона, которые батя выдаёт ему, в три дня, раз. В общем, банка на неделю.

Ответил парень и молодые люди, засмеялись. Когда поезд остановился в Чернаве и ребята вышли из вагона, у площади вокзала они увидели колхозный Газик. Водитель, видимо, кого-

то провожал. Иван поставил чемодан Маши у колеса, в ожидании хозяина автомобиля. Через некоторое время, с сеткой в руках, нагруженной продуктами, появился шофёр. Заметив односельчан, он расплылся в улыбке.

—

Привет

,

молодёжь!

Открывая кабину, обратился он к ним.

—

Здорово, дядь Вась!

За двоих, отозвался Иван.

— Ну, что, я слышал ты поступил?

Уже учишься?

— А разве могло быть по-другому?

— Да нет! Это я, так, к слову. А у тебя Маша как дела?

— А Маша, не поступала. У неё была обзорная экскурсия.

Ответил за неё, снова, Иван. Мужчина, удивлённо, посмотрел на них, открыл пассажирскую дверь в машине и весело сказал:

— Молодой, ты Вань, но умный не по возрасту.

Уважаю!

До Милены доехали быстро. Дожди, за это время, были не значительные и дорогу не успели размыть. В открытые окна автомобиля задувал прохладный ветер. На обочинах, гнули верхушки берёзы и сосны, словно приветствуя вернувшихся и от всего, этого, на душе было не объяснимо радостно. Дядя Вася, остановил машину у дома Марии. Иван вылез вместе с ней, забрал чемодан и открыв калитку палисадника, они поднялись на веранду. Стучать, долго не пришлось. Елена Даниловна, видно, услышала, что автомобиль остановился у её дома и выглянула узнать, почему? Увидев на крыльце дочку и Ивана, она обрадовано раскинула руки и запричитала;

— Вы? Дома? Ну, слава богу! Что же вы стоите? Давайте в дом.

Голодные, наверно, с дороги?

Маша, не успела, даже, открыть рот, как Иван опять опередил её с ответом:

— Да! Не откажемся. У меня во рту, с утра, маковой росинки не было.

Тут уж девушка не сдержалась;

— Что ж ты врёшь? На вокзале, в столовой, две тарелки шей слопал.

—

Ну это, когда было?

Смеясь, стал оправдываться Иван, видя как Елена Даниловна достаёт из печи горшок с тушёной картошкой.

—

Накладывай, мам, накладывай!

Нарочительно громко, произнёс он. У Маши, от этих слов, подкосились ноги и она, чтобы не упасть, присела на табурет у стола. А Елена Даниловна, услышав такое обращение к себе, с деловым видом поставила горшок на стол. Наложила картошку в тарелки и сбегав в зал, принесла бутылку русской, бережно хранившейся для особого случая. По её мнению, он и настал.

— Садись, сынок! Наливай-ка, за приезд.

Иван понял, одобрение тёщи получено. А решение Маши было известно ему, ещё перед отъездом. Застолье, продолжалось не меньше двух часов. Мария, лишь намочила из рюмки губы, а Иван и Елена Даниловна опустошили добрую половину бутылки. Они громко спорили

о насущных проблемах села, когда дверь отворилась, и на пороге показался Илья Иванович. Все, тут же замолчали. А он, нахмутив брови, не добро оглядел присутствующих и обращаясь к сыну сказал:

– Не хорошо, ты, сынок, поступаешь! Не по-людски как-то. Мы с матерью ждём, пождём, а тебя, всё нет. Не засиделся ты в гостях? А?

– А я не в гостях здесь, отец, С этого дня, это мой дом.

Ответил Иван, глядя ему в глаза. Илья Иванович, кашлянул, обдумывая сложившуюся ситуацию, потом снял с плеч фуфайку, повесил её на гвоздь, вбитый в стену и молча сел за стол. После этого, налил водки себе и Елене Даниловне, высоко поднял рюмку и произнёс:

– Давай-ка, сваха выпьем за молодых! Им, судя по таре, уже хватит. О другом, пусть думают.

Все облегчённо вздохнули. Благословение отца, тоже было получено. А вот с матерью, как и ожидал Иван, всё было гораздо сложнее. Она, ни в какую, не хотела видеть невестку в доме, ни до свадьбы, ни потом. И только, после серьёзного разговора с мужем, Анастасия Гавриловна, затаив обиду, зло сказала:

– Делайте, что хотите! Останетесь без штанов, помяните моё слово! Она вас, как дураков, облапошит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.